о. Андрей КУРАЕВ: ПРАВИЛА ДОРОЖНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПУТИ К ПАСХЕ

В православном понимании важен не только вектор — от Бога к человеку, но и обратный — от человека к Богу. По слову древнехристианского святого Иринея Лионского — «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». И Пасха показывает нам ту высоту, к которой мы призываемся.

— Пасхе предшествует Великий пост. Но, как мне кажется, в нашей стране вряд ли резко сокращается объем продажи мясо-молочных продуктов.

— Вы ошибаетесь. Я специально интересовался - действительно сокращается. Потребление мяса сокращается даже в дорогих ресторанах. Правда, на сегодняшний день в нашей стране сложилась парадоксальная ситуация - рыба стоит дороже мяса. Ведь изначальный смысл поста так пояснялся Иоанном Златоустом в IV веке: «Подсчитай, сколько стоит стол с мясом, сколько без. Ешь без мяса, а разницу отдай бедным». Очень многими это измерение поста сегодня забывается. Но хочу сказать, что в любом случае, независимо от того, постился человек или нет, на Пасху приглашаются все, и в эту ночь Церковь не делает различия между теми, кто постился, а кто нет. Более того, в каждом храме будет читаться проповедь Иоанна Златоуста, где прямо говорится: «Постившиеся и не постившиеся, приидите. Для всех день радости».

— Отец Андрей, с появлением в нашей стране гласности, на прилавки книжных магазинов выплеснулось море оккультной литературы. Не секрет, что значительная часть интеллигенции проявляет к этой литературе большой интерес. В частности, к книгам Рерихов. Хочется спросить вас как автора фундаментального труда «Сатанизм для интеллигенции (о Рерихах и православии)», в чем вы видите опасность этого увлечения? Ведь Рерихи ни к чему дурному не призывали в своих работах.

— Моя личная неприязнь к рерихианству определена в меньшей степени тем, что я христианин, а скорее тем, что я вырос и воспитан в научной среде. Так что мое отвращение к оккультной литературе, и к рериховской прежде всего, вызывается безмыслием, которое царит там. Абсолютная фантастичность всех построений, отсутствие элементарной культуры логического и научного мышления. Возьмите любую книгу из «Агни-йоги» и вы увидите, что в них нет никакого проблеска научного мышления, нет реальной работы с источниками, анализа текстов, нет логически развивающегося философского сюжета. Любой параграф их работ можно спокойно поменять местами.

— Название вашей книги «Сатанизм для интеллигенции» кажется мне несколько резким. Может быть, стоило дать название помягче? Например: «Заблуждение интеллигенции»?

— Все время, пока писалась книга, я хотел уйти от этого названия. Искал варианты, советовался с издателями, редакторами. И в конце концов понял, что так будет честнее перед читателями. Книга действительно написана резко, и ее вывод выносится в заглавие. Но этот вывод обосновывается тысячью страниц текста. В книге реально показываются случаи откровенной лжи со стороны Елены Петровны Блаватской и Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих. Как я мог изменить, если Блаватская прямо пишет: «Пора разрешить этот вопрос раз и навсегда. Именно тот, кого все догматические религии называют сатаной, является истинным духовным отцом человечества». Дело в том, что не все люди, симпатизирующие Рерихам, дали себе труд прочитать «Тайную Доктрину» Блаватской и подумать над ней. Именно поэтому я вижу цель своей преподавательской, публицистической и лекторской деятельности в том, чтобы вновь и вновь повторять один тезис: «Входя в храм,- принято снимать шляпу, но не голову». У разума и рациональности есть свои права и в области религии. И поэтому, пожалуйста, не позволяйте украшать свои уши любыми макаронными изделиями. Спрашивайте аргументы. Думайте, сопоставляйте. Взять, к примеру, модную ныне кармическую теорию. Как можно совместить кармическую доктрину о том что прошлое целиком определяет наше настоящее с призывами к свободному творчеству?

В кармической философии нет никакого «Я». Есть всего-навсего сочетание психофизических элементов. Поток дхарм, говоря буддийским языком. Которые и сочетаются в иллюзию самости. И каждая из этих частиц обусловлена чем-то прошлым. Так что в вашем сегодняшнем сознании нет таких мотивов, мыслей и эмоций, которые не были порождены прошлым, и поэтому на самом деле некому принимать решения здесь и сейчас.

— Насколько я знаю, теория кармы подкупает людей идеей справедливости. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Все просто и понятно.

— Дело в том, что христианство как раз и начиналось с бунта против справедливости. Замечательны слова преподобного Исаака Сирина, сказанные в VII веке: «Не называй Бога справедливым. Потому что, если Бог справедлив, я погиб».

Христианство — это путь любви, которая выше закона. Вспомните, русская литература начинается с проповеди киевского митрополита Илларионa «Слово о законе и благодати». Благодать и любовь выше закона. И если Бог есть любовь, то причем здесь карма? Бог может прощать там, где карма должна казнить.

— Уж коли мы коснулись темы справедливости, не могу не задать вам один вопрос. Известно, что с принятием таинства Крещения человек получает отпущение старых грехов. Предположим такую ситуацию: некто, на протяжении всей своей жизни много и долго грешивший, незадолго до смерти принимает Крещение и таким образом как бы получает «фору» перед человеком, крещенным в детстве, но за свою долгую жизнь много раз оступавшимся.

— Боюсь, что читатели назовут меня фанатиком и мракобесом, но этот вопрос заставляет обратиться еще и к теме различия православия и западного христианства. В западном богословии — и католичестве, и протестантстве — естественно возникает вопрос, поставленный вами. И не может быть какого-то внятного ответа на него. Но для православия этого вопроса нет. Потому что в православии спасение — не просто прощение греха, а соединение с Богом.

И если для протестантского мышления спасение — это некое отрицательное понятие, то есть избавление ОТ чего-то, ОТ греха, ОТ наказания за грех, то в православии это позитивное понятие — Соединение во Христе, Соединение с Богом. Да, на человека, прожившего всю жизнь вне заповедей, вне благодати Христовой и лишь на смертном одре принявшего Крещение, Господь не будет гневаться за грехи. Но дело в том, что человек своими грехами все равно свою душу изуродовал. Представьте себе инженера, по вине которого произошла какая-то серьезная технологическая катастрофа, та же чернобыльская авария. И вот на смертном одре на тюремной койке он получает помилование. Его вина прощена, но последствие этой вины он несет в себе. Он уже отравил свою душу и сжег свое тело. Он умирает от радиации и болезней. Так и человек, проживший всю жизнь во грехе.

Если его душа при жизни так и не смогла встретить Христа, насытиться Светом, то будет ли ему в радость встреча и вечное предстояние перед Христом - перед тем, от Кого он всю жизнь убегал?

— Если продолжить тему справедливости, невольно возникает еще один вопрос. Получается, что у человека, родившегося в стране, исповедующей православие, намного больше шансов обрести спасение, нежели у человека, родившегося, скажем, в мусульманской стране?

— Как вы отнесетесь к рассуждению человека, который скажет: «Да, мне повезло. Я лечусь в хорошей больнице, а где-то люди вообще не получают медицинской помощи. Страшные эпидемии идут одна за одной. И я, пожалуй, из солидарности с ними тоже перестану лечиться»? Вряд ли вы назовете это очень умным решением. Напротив, надо исполь-

зовать имеющиеся врачебные средства, чтобы стать здоровым и быть в состоянии помочь своим душевным и телесным трудом всем нуждающимся в этой помощи. Это и есть самоощущение христианской церкви.

Вообще христианство смотрит на мир совсем не так, как смотрит на него современное миропонимание. Нет в христианстве идеи о том, что человек рожден для счастья, как птица для полета. Он, конечно, призван к этому счастью, но к нему надо восходить с огромным трудом. Во всех религиях мира есть учение о каком-то изначальном грехе и катастрофе. Во многих религиях есть учение о потерянном Боге. Не просто о потерянном рае, а именно о потерянном Боге. И эта потеря сознательно заменяется суррогатами в виде всевозможных духов, демонов, мелких божков.

Идея о том, что ВСЕ люди идут в ад, присутствует в очень многих религиях древности. В скандинавских, шумерских. Тоже самое мы встречаем в «Одиссее» Гомера, об этом плачет Экклезиаст. И вот на этом фоне звучит Евангельская радость — возможность спасения.

В этом, я думаю, есть различие между культурами, которые всерьез воспринимают религиозную реальность и проблему поиска Бога, и теми, которые считают, что нам и так здесь хорошо и наша задача сделать земную жизнь более комфортной. В этом смысле христианство обречено на то, чтобы дерзить и противоречить этим гедонистическим цивилизациям.

— Давайте вернемся к теме - интеллигенция и ее увлечение оккультизмом.

— Прошу меня извинить, но я самые резкие слова могу говорить об интеллигенции, потому что она в большинстве своем мало думает и уподобляется стаду баранов. Сегодня в котелках интеллигенции варится национальное блюдо - каша в голове. Нынешнее всеверие нельзя считать простительной и милой доверчивостью.

Наивными детьми людей можно было назвать 200 - 300 лет назад. Но люди, воспитанные в самой научной цивилизации в истории человечества, воспитанные в преклонении перед разумом и наукой и, к тому же хочу подчеркнуть, воспитанные и официальной пропагандой, и диссидентской в недоверчивости, — эти люди в нашей космической державе летают в астрал, вертят тарелочки, верят в порчу и гороскопы. И это уже национальный позор.

— Среди читателей нашей газеты много людей творческих профессий. Расскажите об отношении Церкви к творческому акту.

— Все, что связано с областью творчества, неважно - богословского, художественного, писательского или театрального, — это все область повышенного духовного риска. Церковь не запрещает людям заниматься творчеством и даже благословляет их, но просит внимательней относиться к себе самому, к своему состоянию. Быть предельно трезвым, не позволять себе тщеславия, самовлюбленности, опьянения собой и успехами. Избегать медитативности, которая может привести к одержимости. К сожалению, история культуры показывает, как много очень одаренных и талантливых людей становились игрушками в руках темных сил. Уходили в наркотики, кончали жизнь самоубийством, становились злыми гениями для всех, кто их окружал.

Вспомним Льва Толстого, о котором Александра Андреевна Толстая свидетельствовала, что он порой бывал бесноватым и сумасшедшим. Кстати говоря, наш известный кинорежиссер Сергей Бондарчук был воспитан на Толстом и буквально влюблен в него. Вся его квартира была увешана портретами Толстого. Я знаю, что в последние дни своей жизни, уже будучи смертельно больным, он начал реально видеть бесов. Ужас объял его душу. Он понял, что портреты Толстого его от этого не спасут. И он позвал священника, исповедался, причастился. После этого все кошмары ушли.

— Что же ужасного в учении Толстого?

— Кощунствовать по поводу святынь народа - это непристойно. Взять, к примеру, Некрасова, о котором я не дерзну сказать, что он был православным христианином. Но с какой любовью он описывает храм. Для него это святыня не потому, что Бог в нем живет, а потому, что это народное утешение. Поэтому он с такой любовью описывает все, что связано с православием. А Толстой? В его «Исповеди» есть совершенно дикая глава описания литургии в кощунственных тонах. Здесь художественный и человеческий гений оставил Льва Николаевича.

Толстой, как любой крупный художник, гений деталей и подробностей, умел понимать и подмечать символические мелочи. Подробности в одежде, чертах лица, речи персонажу. Как же он смог просмотреть столь крупный феномен в истории, как Церковь, не попытавшись понять, в чем здесь символизм и значение церковной жизни.

Я знаю многих людей, пришедших в православие через буддизм, индийские религии, даосизм. Изучив чужие традиции и проникнувшись к ним уважением, они вдруг по-другому посмотрели на православие. Оказывается, в нем есть все то, что они искали, и даже больше. То, что раньше им казалось примитивным, оказалось вовсе не таким. Именно этого уважения к истории и традициям, желания понять и услышать другого у Толстого не оказалось, когда речь зашла о православии.

— Наверное, не только в этом смысл расхождения Церкви и Толстого?

— Разумеется. Основная идея Толстого в том, что Бог - это твоя совесть, и ничего более. В этом смысле он скорей буддист, чем христианин. Нельзя рассматривать Христа, как одного из проповедников, которого, кстати, Рерихи постоянно называли учителем. Христос — не просто тот, кто дает нам инструкции, как жить. Он еще реально все время Свою руку рядом с нашими держит. «Моя сила, в вас да пребудет. Примите Мое причастие, Мою благодать и силу, и тогда Моя сила сольется с вашей». Это называется в православном богословии синергия — содействование, сотрудничество. Это диалог. И вот этого диалога, этого ощущения, что что-то другое может войти в жизнь человека, нет ни у Толстого, ни у Рерихов. Для них весь путь духовного восхождения — это бесконечный монолог, это САМОсовершенствование.

Мера их глухоты к тому, что создано христианской культурой, предельно ярко высказалась для меня в недавнем комментарии, который рериховский журнал «Дельфус» сделал по поводу «Фауста» Гете. Один из авторов этого журнала сказал, что Мефистофель в итоге побеждает Фауста, а редакция делает от себя примечание: «Фауст у Гете в конце концов побеждает Мефистофеля, и тот остается ни с чем, в то время как ангелы возносят с собой бессмертную часть Фауста».

Это удивительная Глухота. Ведь на самом деле сюжет у Гете совершенно другой. Он начинается с того, что Бог говорит Мефистофелю: «Тебе позволено. Ступай и завладей его душой. И если можешь, поведи путем разврата за собой». То есть Бог снимает свою защиту со свободы человеческой души Фауста. И тот оказывается бессилен перед духом злобы. Фауст не свободен в своем странствии. И кончается вся история его страшным поражением — на нем человеческая кровь, смерть стариков во второй части. Он умирает растертый в грязь, совершенно растоптанный. И когда Мефистофель готовится взять свою законную добычу, Богородица упрашивает Христа спасти Фауста, потому что он не сам виноват в своем бедствии — он был пленен Мефистофелем. И по молитвам Богородицы сонм ангелов приходит и выхватывает погибшую душу Фауста из рук Мефистофеля. Так что не Фауст себя спасает. Он побежден, но любовь Христова окажется сильней.

И вот этой диалогичности и сложности религиозного сюжета не заметили рериховцы. Как не заметил этого и Лев Толстой в своем взгляде на Евангелие, где оказывалось, что всего-навсего был такой человек - Иисус, а вот с Богом у него связи и не было. Нет Божественной личности, Божественной любви, Божественного разума.

То, что эти люди придерживаются таких взглядов, — это их право. Но мне очень больно, что они при этом считают, что это и есть христианство. И когда они в свой монологизм насильно втирают христианские тексты, мне это кажется недопустимым и кощунственным. И в этом моя научная и христианская обида на них.

Встречался
Андрей ДМИТРИЕВ.
«Вечерний клуб» 16.04.98

1Р